

строки, другие случаи). Все это позволяет говорить о том, что впервые предпринятый перевод данного любопытного, но не хрестоматийного произведения Державина на английский язык выходит за рамки только иллюстративного, используемого в первую очередь в учебных целях материала, имеет и собственно художественное значение, а значит, и дальнейшие перспективы жизни в культуре. Возможно, и через него тоже Державин, по слову Пушкина, «изумит Европу» (и не только ее).

Литература

Державин Г.Р. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я.К.Грота: в 9 т. / Г.Р.Державин. – Т. 3. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1865. – С.442.

Клейн Й. Религия и Просвещение в XVIII веке: Ода Державина «Бог» / Й.Клейн // XVIII век. – Сб. 23. – СПб.: Наука, 2004. – С.126.

Пушкин А.С. Письмо Дельвигу А.А., первые числа (не позже 8) июня 1825 г. Михайловское / А.С.Пушкин // Пушкин А.С. Полн.собр.соч.: в 16 т. – Т.ХIII. Переписка 1815–1827. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С.182.

Фролов Г.А. Ода Державина «Бог» в немецком литературном контексте (источники и переводы) / Г.А.Фролов // Державин в новом тысячелетии / Сост. А.Н. Пашкуров. – Казань: КГУ, 2003. – С.24.

Wachtel Mikhael. The Cambridge Introduction to Russian Poetry / M.Wachtel. – New-York: Cambridge University Press, 2008. – 166 p.

Цветкова М.В. Метаморфозы поэтического текста при переводе на иностранный язык (ода Державина «Бог» в переложении Джона Боуринга) / М.В.Цветкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С.129–132.

О.Е.Ратникова

Москва, Московский государственный областной университет

Поэзия Г.Р.Державина на страницах «Московского журнала»

Н.М.Карамзина

Творчество Державина в контексте «Московского журнала» Н.М.Карамзина, издаваемого в период с 1791 по 1792 год, ранее уже привлекало внимание исследователей. Было отмечено, что ни одна из трёх книжек первой части журнала не обошлась без публикации стихов Державина, которым отводилось почетное первое место. Также было отмечено, как окружение влияет на восприятие произведений поэта. Издатель постарался сгруппировать произведения тематически, делая интересные переходы от темы к теме, которые то были созвучны, то контрастирова-

ли [Алпатов 2012: 393]. Нами был сделан вывод о том, что окружение благотворно повлияло на восприятие стихотворений Г.Р.Державина, позволив читателю услышать и понять поэта.

Данное направление исследования оказалось небезынтересным, ввиду чего нами была предпринята попытка проследить дальнейшее развитие темы державинской поэзии во второй части «Московского журнала».

Следует отметить, что значение творчества Державина для русской поэзии общепризнанно, однако, несмотря на это, изучено оно только в самых общих чертах. Множество вопросов в исследовании творческого наследия Державина не только не решено, но и вовсе не поставлено. Так, в частности, практически не изучена «жизнь» произведений великого поэта в современном ему обществе. Любопытной в связи с этим находим статью Н.Л.Потаниной «Поэзия Державина на страницах «Собеседника любителей русского слова» и в одной из фамильных библиотек Тамбова» [Потанина 2013: 9-14].

Ставя вопрос о бытовании произведений поэта в среде современников, Потанина неизбежно выходит к таким проблемам, как творческое взаимодействие авторов и издателей XVIII века, литературные интересы общества в столице и провинции того же периода, наконец, печатное издание как символ эпохи и непреходящих ценностей, наследование традиций. В связи с этим представляется удачным стремление автора статьи рассказать об истории двух частей журнала (VIII и XIII) «Собеседник любителей русского слова», издававшегося Российской Академией наук с июня 1783 г. по сентябрь 1784 г., перешедших к ней в оригинальном виде.

Итак, возвращаясь к теме нашего исследования, отметим, что вторая часть «Московского журнала» Карамзина открывается произведением Державина, заглавие которого звучит так: «Ода к Эвтерпе. По случаю пляски, бывшей на мызе у Ивана Ивановича Шувалова, 1789 года августа 24 дня. За ним следуют притча И.И.Дмитриева «Надежда и страх» и «Мишеньке» Н.М.Карамзина. Такое соседство произведений неслучайно, все они объединены мотивом надежды, веры в благополучный исход, провидение в жизни человеческой. В произведениях звучат философские размышления авторов о тленности бытия, бренности человеческой жизни на фоне вечной жизни природы.

Следует отметить, что стихотворение «К Эвтерпе» написано, как подтверждают исследования М.Альтшуллера [Альтшуллер 1961: 186-188], значительно раньше, чем это указано в «Московском журнале», в начале 1789 года, а повествует оно о событии, произошедшем еще в 1787 году, совершенно не связанном с личностью Шувалова. Об этом свидетель-

ствуют более поздние комментарии самого Державина, а также косвенные факты. Таким образом, публикация стихотворения, некогда написанного на конкретное событие (визиты Г.А.Потемкина к М.Л.Нарышкиной и слухи о возможной их свадьбе), в «Московском журнале» за апрель 1791 года несла в себе глубинную идею, как автора, так и издателя.

С одной стороны, Карамзин в оде Державина находит недостающее звено в построении композиции первой книжки второй части «Московского журнала», тематически объединяя и дополняя свое произведение и притчу Дмитриева, которые располагаются в сборнике после «К Эвтерпе». С другой – Державин, посылая издателю в печать именно это свое произведение двухлетней давности, хочет показать его значимость не только как стихотворения, некогда написанного на злобу дня, но как преодолевшего время и пространство, реальных прототипов и действительные обстоятельства, ставшего обобщенным образом всех юных, любящих, надеющихся.

Ода Державина начинается обращением к М.Л.Нарышкиной, которую поэт сравнивает с богиней лирической поэзии и музыки Эвтерпой:

Пой, Эвтерпа дорогая,
В струны арфы ударяй;
Ты, весна доколь младая,
Пой, пляши и восклицай!

[Державин 1971: 3]

Молодая красавица славилась своим умением играть на арфе, которая здесь становится еще и символом поэтического творчества. Сравним у Карамзина в стихотворении «Мишеньке», которое тоже начинается обращением (поэт посвящает свое произведение восьмилетнему Михаилу, сыну графа Семена Романовича Воронцова, семью которого посетил Карамзин в Лондоне в июне 1790 года, в то время младший Воронцов был болен):

Итак, ты хочешь песни?
Любезный, милый отрок?
Не всем пою я песни,
И редко, очень редко
За арфу принимаюсь.

[Карамзин 1791: 8]

Таким образом, обнаруживается закономерность соседства данных произведений в первой книжке второй части «Московского журнала». Их объединяет тема творчества. Созвучен и финал обоих стихотворений. Державин напутствует Нарышкину, а в ее образе и все любящие сердца, надеющиеся на счастливый исход событий:

Глава, браньми утомленна,
К персям склонится твоим.
И должна тебе вселена
Будет веком золотым...

[Державин 1791: 6].

Карамзин также увещевает Мишеньку (а в его образе подрастающее поколение в целом):

Цвети, любезный отрок!
Любя добро всем сердцем,
Ты будешь счастлив в жизни;
Она подобна будет
Приятнейшей улыбки
Прекрасныя Природы.

[Карамзин 1791: 10-11]

Здесь прослеживается идея издателя: конкретные герои стихотворений Державина и Карамзина стираются. Замысел произведений «К Эвтерпе» и «Мишеньке» трансформируется. Конкретный подтекст стихотворений (а также аллюзия на сказку и оперу Екатерины II – «кубариться кубарем», «горем быть богатырем») отходит на второй план, формируя обобщенный образ юношества с его чаяниями и опасениями. Молодым красавицам Державин советует жить надеждой и верой, быть терпеливой, сохраняя достоинство, рисуя в образе Эвтерпы идеальный женский облик верной спутницы жизни. Карамзин увещевает юношей быть достойными мужами отчества, обучаться наукам, быть чистым сердцем и душой, служить добру и правде. Мотив надежды и страха объединяет эти произведения, между которыми издатель помещает притчу И.И.Дмитриева.

В притче «Надежда и страх» говорится о силах природы, неподвластных человеку и все же действующих ему во благо, о божественном провидении. Когда, как ни в юные годы, человек наиболее остро испытывает такие чувства, как надежда и страх, и все же у Дмитриева побеждает Надежда, как побеждает она у Державина и Карамзина:

Вдруг состояния людские переменялись:
Умолк несчастных стон;
Смиренна нищета впервые улыбнулась,
Как будто уже к ней фортуна оглянулась...

[Дмитриев 1791: 7-8]

Первые три произведения, опубликованные в первой книжке второй части «Московского журнала», объединяет также и образ времени, неумолимого, скоротечного, неподвластного человеку. Рождаясь, расцветая, человек неизбежно подходит к своему концу:

Время все переменяет,
Птиц умолк весенних свист,
Лето знойно пробегает,
Трав зеленых вянет лист,
Идет осень златовласа,
Спелые несет плоды:
Красно-желта ее ряса
Превратится скоро в льды.

[Державин 1791: 4-5]

Такое торжество времени над бытием человека, по Державину, все же не призвано посеять в человеке страх, который, точно Дамоклов меч, сопровождает его всю жизнь. Скорее наоборот, поэт хочет вселить в своего читателя надежду на то, что жизнь не заканчивается на земле, душа человека бессмертна, поэтому и не стоит цепляться за земные удовольствия, как утопающий за соломинку, а посвятить себя великой цели, служению идее гуманизма и просвещения.

Однако «К Эвтерпе» не единственное стихотворение Державина, опубликованное во второй части «Московского журнала». В третьей книжке находим на первый взгляд незначительное произведение Державина. Это «Надпись к портрету князя Кантемира»:

Нечистый слог его достоинств не умалит,
Порок, не подходи: сей взор тебя ужалит

[Державин 1791: 221]

В примечаниях Грота находим: «В *Спб. Вестнике* были перед этими двумя стихами еще два:

Се равный остротой Боалу Кантемир;
Министр и первый наш он был творец сатир...
[Сочинения 1866: 332]

Расположена эта краткая надпись после двух стихотворений И.И.Дмитриева, и это неслучайно. При рассмотрении вопроса об особенностях восприятия произведений Державина на страницах «Московского журнала» и его взаимодействии с издателем нельзя упускать момент взаимодействия авторов, публиковавшихся в сборнике или на страницах журнала. Так, по мнению Г.П.Макогоненко, в «Московском журнале» «поэтический отдел целиком определялся вкладом Державина и Дмитриева. Проза была представлена издателем» [Макогоненко 1967: 7].

У Макогоненко находим также суждения о творческом диалоге поэтов: «Дмитриев как поэт сформировался до Карамзина в атмосфере литературной борьбы с классицизмом, развернувшейся в 70-80-е годы, и рождения новой литературы. Наибольшее влияние на него оказал Державин... В чтении законченных и незавершенных стихотворений Державина, в беседах с поэтом, в размышлениях о том, что делает поэзию «живописной», «самобытной», способной «живописать страсти» и «наблюдать изгибы сердца», и формировались эстетические верования Дмитриева, вырабатывалось понимание задач поэзии. [Макогоненко 1967:6-7].

Таким образом, на страницах «Московского журнала» обнаруживается возможность проследить преемственность поколений среди поэтов, ведь в 1777 году Дмитриевым уже был создан его первый поэтический опыт под близким державинскому названием – «Надпись <к портрету> князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру» (опубликовано в 1777 году в «Санкт-петербургских ученых ведомостях», № 15):

Се князь изображен Молдавский Кантемир,
Что первый был отцом российских сатир,
Которы в едкости Боаловым равнялись
И коих остротой читатели пленялись
[Дмитриев 1967: 249]

Созвучие надписей Дмитриева и Державина тем более очевидно, если учесть обстоятельства, при которых первый создавал свое произведение: «Там, в низкой и тесной хижине, называвшейся караульнею, окруженной сугробами снега, в куче солдат, я надумывался, как бы мне выхвалить Кантемира» [Дмитриев 1893: 18]. Десятью годами ранее Державин в той

же казарме отбывал службу, которая по признаниям самого Державина, стала его «академией нужд и терпения». Юный Дмитриев недоумевал по этому поводу: «Кто бы мог ожидать, какой был первый опыт творца «Водопада»? Переложение в стихи, или, лучше сказать, на рифмы, площадных прибасок насчет каждого гвардейского полка» [Дмитриев 1893: 43].

Принадлежащие к разным поколениям, Державин и Дмитриев оказываются единодушны в понимании целей и задач поэзии. Дмитриев не скрывал своего восхищения творчеством «певца мудрой Фелицы»: «С первых дней нашего знакомства я уже пробежал толстую рукопись всех собранных его стихотворений» [Дмитриев 1893: 36]. Таким образом, на страницах «Московского журнала» царит атмосфера дружбы и взаимопонимания авторов, это читается между строк издания.

Таким образом, представляется возможность сделать вывод о том, что произведения в сборнике сгруппированы не только тематически, но и благодаря внетекстовыми, личностными связями, которые можно проследить во взаимодействии авторов. Так или иначе, можно заметить несомненно, что Карамзин как великолепный издатель-организатор сумел сначала вокруг «Московского журнала», а после вокруг поэтических сборников «Аониды» собрать единомышленников, которые трудились во благо обновления русской литературы.

Литература

Алпатова Т.А. Проза Н.М.Карамзина: поэтика повествования / Т.А.Алпатова. – М.: МГОУ, 2012. – 560 с.

Альтшуллер М.Г. Несколько уточнений к текстам стихотворений Г.Р. Державина / М.Г.Альтшуллер // Русская литература. № 4. 1961. С.186-190.

Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений / И.И.Дмитриев. – Л.: Советский писатель, 1967. – 501 с.

Дмитриев И. И. Сочинения: в 2 т. – СПб., 1893.

Макогоненко Г.П. Рядовой на Пинде воин: Поэзия Ивана Дмитриева / Г.П.Макогоненко // Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. – Л., 1967. – С. 19-23; электронная версия: www.rvb.ru/18vek/dmitriev (дата обращения: 16.02.2017).

Московский журнал. 1791. Ч.2. 368 с.

Потанина Н.Л. Поэзия Державина на страницах «Собеседника любителей русского слова» и в одной из фамильных библиотек Тамбова / Н.Л.Потанина // Вестник Тамбовского университета. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им.Г.Р.Державина, 2013. – С.9-14.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота – СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1866. – Т. 3. Стихотворения. Часть III.